

Модели аргументации, рассуждение и убеждение*

Е. Н. Лисанюк¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: В статье сформулированы критерии классификации концепций аргументации, основанные на двух ее аспектах, рассмотренных каждый в двух ракурсах. Первый критерий — это объект и предмет исследования аргументации, позволяющий выделить три направления в исследовании аргументации: два теоретических — познавательное, фокусирующееся на рассуждении, и дискурсивное, где в центре находится убеждение, и прикладное, представляющее собой совокупность техник влияния социально-коммуникативного характера. В зависимости от трактовки предмета изучения в эпистемологическом или когнитивном ключе, подходы к аргументации можно разделить на четыре группы — по две в каждом из направлений. Второй критерий уточняет структурные и функциональные особенности рассуждения и убеждения, и, вместе с первым, позволяет указать, какие концепции способны генерировать системные модели аргументации, а какие — ее предметные модели. В статье предложены ответы на вопросы о разграничении рассуждения и аргументации, а также о критериях оценки аргументов.

Ключевые слова: аргументация, модели аргументации, рассуждение, убеждение, классификация концепций аргументации, знание, мнение, когнитивный агент.

1 Введение

В 2000 г. В. Н. Брюшинкин выдвинул системную модель аргументации (далее — СМА Брюшинкина), миссию которой видел в том, «чтобы выделить модели мира, лежащие в основании аргументации и характеризующие культуру народа к которому принадлежит данный мыслитель» (Брюшинкин, 2000, с. 155). Эта модель помещает аргументацию в русло познавательного направления в

*Исследование проводится при поддержке РГНФ, проект № 14-03-0650.

аргументации, и трактует ее в когнитивном ключе как разновидность познания, нацеленного локально на агента спора. Концепция, составляющая теоретический фундамент этой модели, подразумевает инструментальный характер аргументации, подчиняет ее задаче изучения отстаиваемых в споре взглядов для того, чтобы выявить и реконструировать качественное строение адресата аргументации, что, в свою очередь, является существенным вкладом в повышение объективности результатов изучения этнических и культурных общностей, личностной и социальной идентичности (Брюшинкин, 2012).

Дискуссиям о моделях аргументации посвящена серия семинаров «Модели рассуждений» в г. Светлогорске, организованная на базе Балтийского федерального университета им. И. Канта по инициативе В. Н. Брюшинкина. В одной из таких дискуссий (Зайцев, 2015, с. 4) задал следующие два вопроса:

a. Чем аргументация (как знаковая деятельность) отличается от рассуждений (как переходов от посылок к заключению)?

d. Каковы критерии оценки аргументативных рассуждений?

В этой статье мы дадим ответы на эти два вопроса, хотя это и не является главной целью этой статьи. Ответы на эти вопросы будут получены в результате того, что мы проведем границу между системными и предметными моделями аргументации, для чего потребуются критерии, основанные на различии между рассуждением и убеждением, а также на способах оценки аргументов в аргументации. Различие между рассуждением и убеждением мы считаем ключевым и для разграничения между системными и предметными моделями и для ответа на вопросы *a* и *d*. На различии между рассуждением и убеждением основывается и различие в способах оценки аргументов, выступающее одним из критериев разграничения между системными и предметными моделями. Уточнение расхождений в способах оценки аргументов, подразумеваемое в различных концепциях аргументации, позволит сделать ответы на вопросы *a* и *d* более обоснованными.

Начнем мы с вопроса о том, является ли системный характер модели неотъемлемым свойством модели или он выступает свойством того предмета исследования, для изучения которого она сконструирована. В общем смысле, модель в научном познании — это система, исследование которой служит средством для получения информации о другой системе (Уёмов, 1971, с. 48), поэтому всякая модель подразумевает определенную теоретическую концепцию — совокупность специфических понятий, или предварительных абстракций, относительно объекта исследования и моделируемого предмета, его свойств, строения и т. п. Для исследования аргументации характерно создание моделей трех видов:

- а) функциональные, нацеленные изучить процедурные аспекты аргументации;
- б) структурные, исследующие ее строение;
- в) смешанные структурно-функциональные.

В исследованиях аргументации последнего времени явным образом было предложено четыре модели, помимо СМА Брюшинкина: модель С. Тулмина

(Toulmin, 1958), аргументация как критическая дискуссия в прагма-диалектике (Еемерен, Гроотендорст, 1994) и когнитивная модель аргументации (Цепцов, Куарье, 1997). СМА Брюшинкина — это пример функциональной модели, примером структурной модели может служить хорошо известная модель С. Тулмина, критическая дискуссия и когнитивная модель представляют собой примеры смешанной модели. Понятийный аппарат, характерный для функциональных моделей аргументации, касается средств, целей и действий, реализуемых в ней, и в СМА Брюшинкина в качестве таковых выступают соответственно аргументы, качественное строение адресата спора (модель мира) и убеждение. В структурной модели понятийный аппарат закрепляет ключевые элементы строения аргументации и отношения между ними, и в модели Тулмина — это основания, поддержка, данные и другие части, составляющие аргумент. В смешанной модели находят применение элементы обеих моделей. Так, в центре внимания когнитивной модели находятся понятия агента и данных (evidence), отражающие строение аргументации. Между этими структурными элементами устанавливаются определенные функциональные отношения — производится оценка данных с целью уточнить ее влияние на общие представления агента о ситуации, что и составляет ключевую задачу в этой модели. В критической дискуссии структурные элементы аргументации — пропозиции, точки зрения и стадии аргументации — нацелены выявить такие функциональные аспекты аргументации как расхождение во мнениях и его преодоление, выступающее целью аргументации. Указанная трехчастная классификация позволяет уточнить определенные характеристики моделей аргументации, однако она мало что сообщает об особенностях самой аргументации.

Имеется ряд влиятельных подходов к аргументации, в рамках которых не было предложено каких-либо ее моделей явным образом. Таковы логический, диалектический и риторический подходы, неформальная логика, «радикальный аргументативизм», абстрактные структуры аргументации (Dung, 1995) (далее — АСА), — это подходы, или целые тенденции в исследовании аргументации. Наряду с ними и часто в русле некоторых из них были сформулированы более узкие концепции и формализмы для анализа аргументации. Таковы примыкающие к АСА ASPIC+ (Prakken, 2010) и логико-когнитивная теория аргументации (Лисанюк, 2015), TSAR (D. Zaitsev, 2016) и др. Возможно ли сконструировать модели аргументации на базе этих подходов и концепций? От чего зависит такая возможность? В данной статье мы сформулируем ответы на эти вопросы, и в этом будет заключаться основная ее цель.

Для ее достижения мы предложим два взаимосвязанных критерия для разграничения между предметными и системными моделями аргументации и три свойства системных моделей, вытекающие из этих двух критериев. Первый критерий будет касаться подхода или концепции, выступающих теоретическим фундаментом модели, а второй — особенностей ее конструирования применительно к двум главным способам аргументирования, рассуждению и убеждению, поскольку мы полагаем, что убеждение и рассуждение выражают два ключевых аспекта аргументации — познавательный и дискурсивный. Оставляя за рамками рассмотрения этой статьи вопрос о том, почему ключевыми аспек-

тами аргументации выступают именно убеждение и рассуждение, отметим две момента. Данное положение не исключает наличия и изучения других аспектов аргументации, а, наоборот, призвано способствовать этому путем создания теоретического задела, в качестве которого будут выступать выводы нашего исследования. Это положение нашло подтверждение в академических дискуссиях (Косачева, Пушкарский, 2012; *Модели рассуждений — 4: Аргументация и риторика*, 2011).

Два критерия, которые мы обсудим в этой статье, позволят провести границы между рядом концепций аргументации и моделями, возникающими и могущими возникнуть на их основе, а также отделить теоретические подходы к аргументации, в рамках которых возможно создание моделей аргументации, от прикладных подходов к ней, где это невозможно. Актуальность полученной классификации заключается в том, чтобы уточнить объект и предмет исследования аргументации — это мы рассчитываем сделать при помощи первого критерия. Помимо этого, предлагаемая классификация будет способствовать установлению главных проблемных точек ее современного развития, — это мы планируем сделать посредством второго критерия.

Системные, или комплексные, модели аргументации отличаются от ее предметных моделей, предложенных в рамках отдельных наук, в двух основных взаимосвязанных между собой аспектах. Это определение предмета и объекта аргументации, или то, что составляет ее суть, и вытекающее отсюда структурно-функциональное строение аргументации, или выделение ее элементарных единиц и понимание принципов ее функционирования. Оба эти аспекта служат фундаментом для установления критериев эффективности аргументации, и позволяют дать ответы на вопросы *a* и *d*.

В параграфе 2 мы обсудим объект и предмет аргументации и выделим три направления в ее изучении, и сформулируем особенности концептуальных подходов к ее анализу.

2 4+1 подхода к аргументации

И современные и известные из истории подходы к аргументации можно условно разделить на три направления в зависимости от ответов на два вопроса: фокусируется ли данный подход на каком-либо объекте исследования, и, если да, то каким образом понимается этот объект. Положительный ответ на первый вопрос проводит границу между теоретическими подходами к аргументации, где имеются собственные объект и предмет ее изучения, и прикладным направлением, представляющим собой набор практико-ориентированных техник воздействия на адресата, формулируемых на концептуальных основаниях разных наук. В зависимости от ответа на второй вопрос в группе теоретических подходов можно выделить два направления, познавательное и дискурсивное. Объектом изучения аргументации в познавательном направлении является познание, а в дискурсивном таковым выступает убеждение, под которым мы будем понимать процессы и процедуры воздействия интеллектуального характера на адресата с целью порождения знаний и мнений. Такая трактовка убежде-

ния будет служить дополнительным основанием для того, чтобы теоретическое направление исследования аргументации отграничить от прикладного направления, подразумевающего под убеждением не только интеллектуальное, но и эмоционально-психологическое воздействие.

Современные подходы к аргументации, относящиеся к познавательному направлению, можно разделить на две группы в зависимости от того, что понимается под ее предметом. В эпистемологических подходах к аргументации многообразие познавательных методов и практик трактуется как необходимый аспект познавательного процесса вообще, безотносительно к агентам, (Грифцова, 2013), (Шульга, 2012). В когнитивных подходах это многообразие связывают также и с нетождественностью рациональных агентов в отношении путей и способов познания (Брюшинкин, 2000; Лисанюк, 2015). В результате предметом аргументации для сторонников эпистемологического подхода выступает знание, а идеалом — истинное знание. Для авторов, работающих в русле когнитивного подхода, предмет изучения аргументации — это качественно многообразный корпус знаний, мнений, ценностей, намерений и т. п. некоторого агента. Граница между эпистемологическим и когнитивным подходом стирается в двух случаях: когда определенная оценка сведений считается неотъемлемой частью самих этих сведений и устанавливается независимо от субъектных способов оценки и когда познание трактуется инклюзивно. В первом случае исследование аргументации касается только знаний, т. е. сведений, для которых верно, что их эпистемический статус всегда известен всякому обладающему ими агенту, например, истинных (Альчуррон и др., 2013) или правдоподобных (Аншаков и др., 2008). Второй случай имеет место в когнитивной психологии, где любая деятельность людей, включая интеллектуальную, трактуется как познавательная (Аллахвердов, 2012). Родоначальником познавательного направления в аргументации является Аристотель, считавший, что такие абстрактные сущности как понятия, суждения и умозаключения, носят эпистемологический характер, потому что хотя они предназначены для описания окружающего мира, как он предстает в научном знании о нем, однако в большей степени они описывают сам процесс познания. Он же был родоначальником логического подхода к аргументации, в котором дал эпистемологическую трактовку ее предмету. В XX веке вариации познавательного подхода к аргументации в той или иной форме восходят к идеям С. Тулмина.

Родоначальником прикладного направления в аргументации выступает античная риторика в лице софистов, заботившихся более о красноречии как о важном факторе социального влияния, нежели о достижении знания или влияния через знания (Лисанюк, 2014). Современные версии подобных прикладных техник — это многообразные методики воздействия на адресата, возникающие на основе разных наук. Сегодня прикладное направление более не сводится к исключительно рече-коммуникативной форме реализации, как это было во времена софистов. Теперь оно включает в себя широкий спектр психологических и нейробиологических приемов, начиная от методик ведения переговоров (Фишер, Юри, 1992) и техник склонения адресата к принятию желаемого решения (Бредемайер, 2005) вплоть до имплицитного научения (Морошкина, Герш-

кович, 2014) и адресного убеждения на основе «больших данных» (big data) (Bueno-Soler, Carnielli, 2014). Для всех этих приемов воздействия характерно, что граница между манипуляторным и дискурсивно-познавательным характером воздействия на адресата размыта.

От теоретических подходов, составляющих познавательное и дискурсивное направления изучения аргументации, прикладные подходы отличаются тем, что не фокусируются ни на аргументации как особой деятельности или процессе, ни на каких-то определенных предметах и объектах изучения, и представляют собой совокупность практических методик и техник воздействия на адресата, конструируемых на концептуальных основаниях разных наук. К аргументации по существу они имеют контингентное отношение, и либо затрагивают те или иные ее привходящие аспекты, либо оказываются похожи на аргументацию по каким-то внешним проявлениям. Прикладное направление сосредоточено на приемах деятельности социально-коммуникативного характера, направленной на адресата с целью повлиять на него в каком-либо конкретном вопросе, например, чтобы адресат принял решение о заключении договора, о покупке или проголосовал за определенного кандидата. В этом направлении аргументация не выделяется в качестве специальной деятельности или раздела и растворена в методиках и техниках подобного социально-коммуникативного влияния.

Целью этой деятельности может быть как убеждение адресата, и в этом случае объекты дискурсивно и познавательно трактуемой аргументации будут соприкасаться в части конкретных прикладных подходов к ней, например, в части предъявления аргументов в споре в пользу принятия адресатом нужного решения. Вместе с тем техники воздействия на адресата наряду с познавательными целями могут носить манипуляторный характер и быть направлены на введение его в заблуждение или на склонение к принятию решений, желательных для организатора воздействия. Такие цели и соответствующие им приемы воздействия на адресата сторонники познавательного и дискурсивного направления пытаются зафиксировать как недопустимые уловки и ошибки, что способствует исключению их из области изучения аргументации как в теоретическом, так и в практическом плане, однако не позволяет сформировать какой-либо теории ошибок аргументации, хотя такие попытки предпринимались (Hamblin, 1970 (2004)) и предпринимаются (Бондажевская, 2014). Вряд ли они имеют шанс увенчаться успехом ввиду отсутствия концептуальных оснований для их классификации, однако поскольку попытки подобного рода есть в конечном итоге попытки теоретического осмысления не ошибок аргументации, ее объекта, предмета, моделей или правил, постольку они вносили и вносят весомый вклад в ее изучение. Так, к ошибкам этого сорта относятся ограничения на критику и выдвижение точек зрения и «аргумент к палке», представляющие собой не аргументацию, а манипуляторное воздействие на адресата, имеющее видимость аргументации (Лисанюк, 2009), в силу которого между дискурсивным и прикладным направлениями нередко возникает путаница, которая распространяется также и на область концептуальных подходов.

Прикладное направление нередко уравнивают с риторическим подходом к аргументации, располагая этот подход в одном ряду с двумя другими подхо-

дами к ней, логическим и диалектическим, и соответствующим образом классифицируют и сами аргументы — как логические, или доказательные, диалектические, нацеленные на порождение правдоподобных мнений, и риторические (Герасимова, 2009, с. 6). В отличие от этой позиции, распространенной среди исследователей аргументации (Wenzel, 1990), отстаиваемая нами позиция состоит в том, что с точки зрения объекта и предмета изучения дискурсивное направление, в котором легко найти сходство с диалектическим подходом в понимании аргументации, и то, что многие авторы называют риторическим подходом в широком смысле, не связаны с аргументацией необходимым образом. Исследуемые риторикой приемы аргументирования выступают лишь одной из форм предъявления аргументов (Мигунов, 2015), и в этом смысле они заслуживают изучения как прикладные аспекты реализации аргументации в диалоге. Однако сами приемы не являются ни частью познавательной или дискурсивной деятельности как объекта изучения аргументации, ни частью того, что может составлять предмет ее изучения — агента в аспекте своей позиции в споре или агентных знаний, мнений и т. п. безотносительно конкретных агентов. Манипуляторные технологии воздействия на адресата не преследуют ни целей познания, ни целей порождения знания. По этой причине они по существу аргументацией не являются, т. к. не соответствуют объекту аргументации ни в когнитивном, ни в дискурсивном смысле. Несмотря на это они могут контингентным образом совпадать с ними по предмету: с когнитивным подходом это может быть совпадение в агенте — адресате, как, например, в прикладных технологиях побуждения и убеждения через СМИ и рекламу, разрабатываемых на основе социально-когнитивной теории (Bandura, 1994), а с дискурсивным подходом — в убеждении, т. е. в том, что касается порождения правдоподобных мнений, включая научную информацию (Розенгрэн, 2012).

Как отличить аргументацию в когнитивном или дискурсивном смысле от контингентного совпадения ее предъявления в диалоге с практическим приемом влияния манипуляторного характера? Посредством интеллектуальной саморефлексии адресата, т. е. путем обращения к разуму и рассудительности адресата. Саморефлексия агента-адресата по поводу воздействия на него, превращающая воздействие на него в осознаваемый им самим акт — это важный когнитивный фактор, причем осознание внешнего стимула и принятие решения об осознании внешнего стимула — это не одно и то же. В познавательном направлении исследования аргументации этот аспект специально не затрагивается, потому что сознательный характер аргументации и убеждения для его адресата отождествляется с оценкой адресатом сведений, служащих содержанием спора, а эта оценка, в свою очередь, отождествляется с их убедительностью для адресата. Выводы психологов говорят о том, что даже в тех случаях, когда решение об осознании внешнего стимула не осознается агентом эксплицитным образом, его сознание исключает часть стимулов из восприятия агентом (Карпинская, 2008). Аргументация, трактуется ли она в когнитивном или в дискурсивном смысле, направлена на то, чтобы адресат сознательно формировал свое мнение, под влиянием убеждения в диалоге или посредством самостоятельных рассуждений. Поскольку манипуляторные технологии стремятся к тому, чтобы внешнее

воздействие на адресата происходило без осознания адресатом того факта, что на него оказывают воздействие, и они нацелены на порождение неосознаваемых самим адресатом изменений в нем, постольку хотя они и могут иметь видимость аргументации вследствие общности формы предъявления в диалоге, они не являются аргументацией по существу (Алексеев, 2013).

Эта видимость возникает не в последнюю очередь благодаря близости познавательного и дискурсивного направлений в аргументации, когда когнитивный подход и дискурсивное направление нацелены на порождение знаний и мнений в адресате убеждения посредством диалога. Яркий пример такого дискурсивно-когнитивного подхода находим в диалоге Платона «Менон», где неграмотный мальчик-раб Менона под руководством Сократа «доказывает» теорему Пифагора. Платон является родоначальником дискурсивного направления в аргументации, представляющего собой совокупность подходов, схожих по объекту, в роли которого выступает убеждение как процесс порождения у адресата определенных представлений посредством коммуникативного воздействия — диалога, но разных по предмету. Предметом в дискурсивном направлении могут быть знания или мнения вообще, и такие подходы можно назвать дискурсивно-эпистемологическими, или непосредственно адресат аргументации в аспекте его мнений, знаний, желаний, ценностей и т. п., этот подход — дискурсивно-когнитивный. Платон придерживался онтологической трактовки понятийного знания, в отличие от эпистемологического его понимания, свойственного Аристотелю, что нашло выражение в том, каким образом каждый из них рассматривал роль математического доказательства в познании (Целищев, 2015). Платоновский подход стимулирует дискурсивное направление аргументации в русле как эпистемологической, так и когнитивной трактовки предмета аргументации. Он позволяет конструировать специальные формальные онтологии, моделирующие знания и мнения агентов, а это открывает возможность для того, чтобы исследовать процессы и процедуры их возникновения, порождения и изменения не только в смысле познания вообще, но и относительно определенных (групп) агентов и в связи со средствами этих процессов и процедур.

Большинство современных дискурсивных подходов к аргументации в той или иной мере опирается на идеи «новой риторики» Х. Перельмана (Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1969), которую принято приводить в пример, говоря о риторическом подходе к аргументации в широком смысле. Теперь, когда мы провели разграничение между теоретическими и прикладными подходами к аргументации, мы можем утверждать, что эта концепция аргументации относится к тому, что мы здесь называем дискурсивным направлением в изучении аргументации, и представляет собой дискурсивно-когнитивный подход. Объектом изучения «новой риторики» выступает «исследование дискурсивных средств, позволяющих вызывать и усиливать сочувствие к предложенным для одобрения положениям» (*ibid.*, p. 4), ее предметом выступает рациональный агент — адресат аргументации, или аудитория, в терминологии «новой риторики». «Что касается аргументации и использования речи для того, чтобы внушить аудитории определенный тезис, то невозможно полностью отрицать, как не имеющие отношения к делу, психологические и социальные обстоятельства, так как в их

отсутствии аргументация будет бессмысленной и безрезультатной. Для всякой аргументации, целью которой является влияние на умы, предполагается существование интеллектуального контакта между оратором и аудиторией» (Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1969, p. 14). Аргументация может касаться не только знаний и мнений, которым можно дать истинностную оценку, но также и ценностей и поступков, как это происходит в области права, морали и политики, где подобные оценки неприменимы. По этой причине «новая риторика» претендует на изучение дискурсивного потенциала аргументации не в эпистемологическом ключе, который неизбежно касался бы только знаний и мнений, но преимущественно в когнитивном ключе, относительно конкретных видов агентов (аудитории). Таким образом, назвать «новую риторика» олицетворением риторического подхода к аргументации можно в том смысле, что она исследует дискурсивные средства аргументации относительно определенных агентов. Вместе с тем, если считать риторический подход частью прикладного направления, сосредоточенного на этих средствах (приемах) убеждения вообще безотносительно цели их применения, то «новая риторика» не является его частью, потому что в этой концепции целью подобных приемов, изучаемых ею, выступает сознательное интеллектуальное убеждение адресата.

В свете установления объекта и предмета исследования заслуживает специального обсуждения упоминавшийся выше подход посредством АСА, представляющий собой совокупность концепций, моделирующих аргументацию при помощи графов. Первоначальной содержательной интерпретацией для этого подхода была идея позиционного спора, в котором агенты модифицируют свои позиции, отвечая на критику и защищаясь от нее контраргументами. Теоретическую основу формализма АСА составили понятия из немонотонной логики — расширения множеств аргументов, выражающие модификации позиций сторон спора, и используемая в информатике семантика, базирующаяся на процедурной трактовке значений (Pollock, 1994). АСА — это обобщенная формальная модель спора, ее абстрактный характер складывается из двух абстракций: множества аргументов и бинарного отношения атаки между ними. Аргументы трактуются абстрактно — в духе холизма, т. е. их внутреннее строение не учитывается, хотя подразумевается, что это какие-то утверждения или умозаключения, обладающие пропозициональным содержанием и формальным строением, от которых можно абстрагироваться. Отношение атаки тоже абстрактное, оно не сводится к каким-либо элементарным формальным отношениям и упорядочивает множество аргументов на структуре нелинейно и частично.

В результате рассуждение и убеждение отождествляются: они одинаковым образом представлены при помощи определенных расширений множеств аргументов на структуре, которые можно интерпретировать как состоятельную совокупность аргументов, способных противостоять критике извне, т. е. со стороны позиций других агентов, и как набор убедительных аргументов, отклонивших критику в свой адрес. Отождествление рассуждения и убеждения сближается АСА и логический подход к аргументации, лежащий в русле познавательно-эпистемологического направления, несмотря на то, что это отождествление осуществлено на разных основаниях. Убедительность аргументации в логическом

подходе сводится к истинностно-процедурной оценке аргументов, рассматриваемых как умозаключения определенного рода, а в АСА — к абстрактной процедурной оценке наборов аргументов, независимо от их внутреннего строения и характера. В АСА это позволяет процедурно трактуемые логические понятия, такие как полнота и непротиворечивость, использовать для оценки аргументации на макроуровне спора.

В дальнейшем на основе этого подхода были предложены концепции, моделирующие дедуктивные рассуждения (Besnard, Hunter, 2001), а также концепции, в которых учитывается внутреннее строение аргументов (Prakken, 2010) — они получили название логика аргументации, или логика АСА. Абстрактный характер такого подхода к аргументации позволили объединить рассуждение и убеждение в объекте исследования, который в зависимости от интерпретации аргументов можно понимать двояко. С одной стороны, он принадлежит к познавательному направлению и имеет своим предметом истинное или правдоподобное знание, как это происходит в формализмах с интерпретируемыми аргументами. С другой стороны, он лежит в русле дискурсивного направления, и предметом его в эпистемологическом смысле выступает некая база знаний (данных), что имеет место в формализмах, моделирующих модификации подобных баз на основе взаимодействия интеллектуальных агентов. Поскольку объект и предмет исследования в подходе, основанном на абстрактных структурах аргументации, не проводят различия между познавательным и дискурсивным направлениями, постольку модели, могущие возникнуть на его основе, будут предметными.

Подведем итог этого параграфа, в котором посредством уточнения объекта и предмета изучения аргументации мы выделили три направления, в двух из них — четыре группы концептуальных подходов к ней, способных генерировать модели аргументации, и идентифицировали прикладное направление, где создание моделей аргументации невозможно по теоретическим причинам. Итак, имеется два теоретических направления в исследованиях аргументации, различающихся по объекту и предмету, и совокупность прикладных подходов социально-коммуникативного воздействия на адресата, затрагивающих также и аргументацию, эту совокупность условно можно назвать прикладным направлением. Объектом аргументации может выступать познание, как в познавательных подходах к ней, или убеждение, как в дискурсивных. Познавательные подходы могут быть эпистемологическими, их предметом является истинное знание, или когнитивными, предметом которых выступает агент в аспекте своих мнений и знаний. Объект дискурсивных подходов — интеллектуальное убеждение, а предметом может быть агент-адресат убеждения, нацеленного на изменение его позиции, что характерно для дискурсивно когнитивных подходов, либо знания и мнения вообще, безотносительно агента, как в дискурсивно-эпистемологических. Несмотря на то, что дискурсивное и познавательное направления в исследованиях аргументации отличаются по объекту, они могут совпасть в предмете. Таковы эпистемологический и дискурсивно-эпистемологический подходы, или когнитивный и дискурсивно-когнитивный. Прикладные техники могут совпасть по предмету с дискурсивным направлением, потому что убеждение — это разновидность воздействия на адресата. Вме-

сте с тем такое совпадение носит контингентный характер по двум причинам: подобные техники не представляют собой теоретической концепции аргументации и, соответственно, не имеют объекта исследования; они не стремятся к осознаваемому адресату интеллектуальному умственному воздействию и, соответственно, не фокусируются на конкретном предмете. По этим причинам сторонники теоретических направлений стремятся зафиксировать некоторые прикладные приемы как нелегитимные, и считают их ошибками аргументации.

Что касается нашей главной задачи — выделения системных моделей аргументации — уже сейчас мы можем сформулировать некоторые содержательные выводы, несмотря на абстрактный характер разграничения между подходами к аргументации, которое можно провести посредством только одного критерия — уточнения объекта и предмета ее исследования, и в отсутствие второго разграничения, которое мы далее проведем. Во-первых, мы показали, почему на основе практико-ориентированного риторического подхода модель аргументации создать невозможно, а «новая риторика», которую часто отождествляют с таким подходом, способна породить дискурсивно-когнитивную модель аргументации. Во-вторых, и это является частичным ответом на вопросы *a* и *d*, мы можем объяснить, почему логический подход к аргументации на протяжении длительного времени остается идеалом для моделей аргументации, хотя и это и не единственный идеал, и почему он способен породить предметную модель, но не способен генерировать системных моделей. Возникающая на его основе модель аргументации является предметной, она эпистемологическая, касается порождения и сохранения истинного знания и является «эффективным средством представления знаний в рамках их логического моделирования» [Меськов 2013, 138], и она отождествляет этот идеал истинного знания с убедительностью в споре, а рассуждение, удовлетворяющее ее критериям — с убеждением. В-третьих, это показывает, почему невозможно сконструировать какой-либо модели на основе неформальной логики — потому что ни одно из предложенных ее определений не устанавливает объекта и предмета для моделирования¹. В-четвертых, если предметные модели аргументации могут возникнуть на базе каждого из четырех выделенных подходов, то системные модели аргументации — в точках их соприкосновения, когда эпистемологический или когнитивный подходы познавательного направления стремятся исследовать предмет аргументации в русле предметов дискурсивного направления, или наоборот. Этот вывод мы уточним далее при помощи второго критерия.

¹Имеется три основных определения неформальной логики: «негативное», — раздел логики, исследующий аспекты аргументации за пределами ее формально-логического анализа (Johnson, 1996; Алексеев, 2006); «критическое», связывающее ее с изучением критического мышления (Koszowy, 2010) и неформальных ошибок (Walton, Woods, 1958); «позитивное» — закрепляющее за ней изучение обыденных рассуждений (Грифцова, 1998). Первое исключает эпистемологическую модель аргументации, но допускает три другие, второе и третье — близки к когнитивной модели, однако оставляют неясным вопрос об агентном характере. Отметим, что ни одно из определений не связывает неформальную логику с дискурсивным направлением.

3 Три особенности системных моделей

Для системных моделей аргументации характерен широкий взгляд на объект аргументации, охватывающий два и более предметных ракурса ее рассмотрения, что естественным образом делает подобные модели междисциплинарными. Несмотря на то, что такие модели конструируются на основе конкретного объекта аргументации, в структурно-функциональном ракурсе они сочетают предметы изучения, свойственные и познавательному и дискурсивному направлениям посредством соединения привлекаемых из понятийного аппарата этих направлений элементарных единиц и их функциональных особенностей.

В современных концепциях аргументации системные модели создаются преимущественно двумя путями, которые условно можно назвать диалектическим и формальным. Диалектический путь имеет глубокие исторические корни и состоит в распространения методологических основ логического анализа аргументации в область наук о языке (лингвистики, риторики) и социальных наук (социологии, политологии, менеджмента). Системная модель, которую можно создать в русле диалектического пути, будет либо эпистемологической, либо когнитивной, и будет стремиться к тому, чтобы охватить дискурсивные аспекты аргументации при помощи логических понятий. Формальный путь зародился в середине XX в., он заключается в обогащении выразительных возможностей объект-языков формальных наук для моделирования речевых, субъектных или коммуникативных особенностей аргументации. Системные модели в русле этого пути являются дискурсивными и стремятся использовать элементы логического анализа для оценки эффективности аргументации.

В результате системные модели аргументации демонстрируют следующие три отличительные особенности, характеризующие оценку аргументов, эффективность аргументации и отбрасывание нелегитимных способов аргументации.

Первой особенностью системных моделей является то, что они опираются на два и более способа оценки аргументов и соединяя способы, выработанные в разных науках и используемые для оценки разных аспектов аргументирования. Например, в логическом подходе применяются истинностные или процедурно-истинностные оценки, а в дискурсивных подходах в русле диалектического пути — процедурные, трактуемые как соответствие определенным механизмам взаимодействия агентов или схемам аргументации, и такие оценки не являются истинностными. Авторы, работающие в русле диалектического пути, концепции которых относятся к дискурсивно-эпистемологическому направлению, стремятся использовать истинностные оценки предложений в качестве обобщенных критериев эффективности аргументации. Сохранение значения «истина» («ложь») при переходе от посылок к заключению выступает не только залогом применимости данной схемы аргументации в смысле процедурного критерия, но и залогом эффективности самого аргумента в целом (Walton, Reed, et al., 2008). Многокомпонентность оценки аргументов свидетельствует в пользу комплексного характера концепции аргументации, т. к. указывает на широкое понимание предмета ее исследования.

Вторая особенность вытекает из первой: эффективность аргументации трак-

туется дескриптивно, потому что ее функциональные особенности моделируются неодинаково на разных предметных уровнях анализа аргументации, так что даже если нормативная оценка аргументации оказывается возможной на одном из них, то сохранить и ее функциональное единообразие и ее нормативный характер на разных уровнях затруднительно. Например, в кодексе поведения участников критической дискуссии, сформулированном в рамках прагматодialeктики, относящейся к дискурсивно-эпистемологическому направлению, находим требования как логического характера — это требование непротиворечивости пропозициональных содержаний позиций сторон (Еемерен, Гроотендорст, 1994, с. 186), так и коммуникативного — это требование принимать вызовы и просьбы об экспликации, идентификации и доказывании обосновывающих потенциалов аргументов (там же, с. 187–189). С одной стороны, реализация в споре подобных просьб и принятие вызовов требует добавления в ранее предъявленную позицию дополнительных посылок или целых аргументов, которые рискуют сделать ее содержание противоречивым, что влечет отклонение такой позиции в споре. С другой стороны, отсутствие ограничений или дополнительных требований к просьбам об экспликации рискует изменить тематику спора и или остановить его. Поскольку остается неясным, за каким из этих требований данная модель закрепляет главенствующую роль, а какому из них отводится роль вспомогательная, постольку нормативный характер каждого требования в отдельности трансформируется в общий дескриптивный характер модели критической дискуссии. В результате в общем своде правил критической дискуссии сами вызовы должны быть разумными и обоснованными, а необоснованные вызовы можно отклонить; пропозициональные содержания позиций сторон считаются непротиворечивыми, пока не было обнаружено обратное.

Третью особенность мы уже затрагивали выше, она заключается в том, что в системных моделях исследуются ошибки аргументации, в отличие от предметных моделей, где абстрагируются от случаев несоответствия предъявляемым критериям эффективности аргументации или приемлемости аргументов, исключая такие случаи из рассмотрения. Например, в дискурсивно-когнитивном подходе убедительность аргументации зиждется на соглашении о приемлемости определенных фигур рассуждения для всех сторон спора, которую «в принципе можно поставить под сомнение, но на данном этапе обсуждения мы не станем его оспаривать» (Перельман, Олбрехт-Тытека, 1987, с. 207). В результате некоторые исследуемые в этом подходе приемы аргументации, как, например, аналогия, на поверку оказываются шаткими и рискуют породить заблуждение вместе убеждения, что, тем не менее, не исключает их применимости перед лицом конкретной аудитории (там же, с. 244).

Любых двух из этих трех особенностей достаточно для того, чтобы считать данную модель аргументации системной, однако ни одна из них, взятая сама по себе, не может достаточно точно охарактеризовать и предмет и объект исследования аргументации.

4 Два объекта и два предмета исследования аргументации

Два аспекта — рассуждение и убеждение — характеризуют объект и предмет исследования большинства концепций аргументации, помещающих данную концепцию в русло познавательного или дискурсивного направлений соответственно. Как мы видели выше, различия в том, каким образом те или иные концепции трактуют эти два ее аспекта, а также в том, как понимается связь между рассуждением и убеждением, играют решающую роль в том, возможно ли создание системной модели на основе той или иной концепции. В этом параграфе мы рассмотрим эти два аспекта подробнее и покажем, каким образом понимание того, в чем состоит роль убеждения и рассуждения применительно к аргументации, служит содержательной границей между разными концепциями аргументации, лежащими в русле выделенных нами двух направлений. Мы покажем далее, что системные модели аргументации возникают там, где рассуждение и убеждение стремятся соединить в одну концепцию (модель), а предметные — там, где либо между ними проводят четкую границу, не допускающую их смешения, либо их отождествляют, делая неразличимыми в теоретическом смысле.

И рассуждение, и убеждение связаны с двумя возможными предметами исследования аргументации: когнитивным ее предметом — рациональным агентом, и его интеллектуальной деятельностью — эпистемологическим ее предметом, однако они рассматривают и то и другое под разными углами зрения в соответствии с ее объектом, указывающим направление исследования.

Что касается интеллектуальной деятельности, главное различие между убеждением и рассуждением заключается в том, что рассуждение — это собственно деятельность, а точнее, мыслительная деятельность, в которой от одних утверждений, или посылок, переходят к другим, или заключению. Рассуждение представляет собой одну из форм такой деятельности, но не единственную, и к другим ее формам относятся поиск информации, ее оценка, решение практических задач и др. (Финн, 2009, с. 14). Существование других форм интеллектуальной деятельности наряду с рассуждением — это вопрос дискуссионный (Кротков, 2013). Главное возражение против сторонников многообразия форм, к которым мы присоединяемся, заключается в том, что все перечисленные виды деятельности представимы в форме рассуждений. Ответом на это возражение выступает разграничение молекулярной и атомарной трактовки рассуждений, о которых речь пойдет далее. Здесь достаточно будет отметить, что в отличие от сторонников единообразия форм интеллектуальной деятельности, признающих лишь молекулярную трактовку рассуждений (Зайцев, 2015, с. 4), сторонники многообразия форм интеллектуальной деятельности допускают обе трактовки (Драгалина-Черная, 2015, с. 142), причем атомарная применяется чаще в тех случаях, когда речь идет о перечисленных выше задачах.

Убеждение — это целенаправленный процесс или совокупность процедур, целью которых является качественное изменение в корпусе знаний, мнений, ценностей, интенций и т. д. агента, происходящее под влиянием самого агента, а также факторов, внешних по отношению к нему². Несмотря на то, что убеж-

²Мы используем термин «мнение» для указания на то, что в программах искусственного

дение, как и рассуждение, тоже можно представить как мысленный процесс перехода от одной мысли к другой, и в этом случае целью убеждения можно считать получение новой мысли на основе мыслей, уже имевшихся ранее, краеугольным камнем рассуждения, тем не менее, выступает сам переход. Этот переход может быть зафиксирован по-разному, например, в языковой форме посредством лингвистических маркеров, таких, как «следовательно», «потому что» и т. д. или при помощи какой-либо формальной теории.

В отличие от этого, краеугольным камнем убеждения выступает процесс или процедура модификации сведений в интеллекте агента, осуществляемые под влиянием поступления некоей новой информации или оценивания уже имеющейся, несмотря на то, что убеждение тоже можно понимать как мыслительную деятельность одного агента, направленную на модификацию знаний и мнений другого или того же самого агента (Микиртумов, 2009). Фиксация качественных модификаций корпуса знаний и мнений агента происходит, в первую очередь, относительно этого корпуса самого агента, и может быть представлена как его расширение или сокращение, (Альчуррон и др., 2013), а также переход от возможно неистинных предложений — мнений, к истинным предложениям, выражающим знания (Ольховиков, 2010; Фролов, 2013).

Таким образом, рассуждение — это одна из форм интеллектуальной деятельности агентов вообще, которая может быть связана с убеждением, однако такая связь не носит необходимого характера. Во многих когнитивных подходах как познавательного, так и дискурсивного направления необходимой связи между рассуждением и убеждением нет, например, в логико-когнитивной теории аргументации и когнитивном подходе к аргументации. Несмотря на то, что рассуждение может быть фактором убеждения, а убеждение может осуществляться посредством рассуждения, ограничение способа осуществления убеждения исключительно рассуждением указывает на то, что предмет убеждения или предмет рассуждения трактуются инклюзивно в русле эпистемологических подходов.

В том, что касается агентов, рассуждение и убеждение различаются следующим образом. Убеждение сфокусировано на определенном агенте, его строении и качественных изменениях в нем и ограничено корпусом знаний и мнений агента, независимо от того, идет ли речь об одном и том же агенте, множестве идентичных или не идентичных друг другу агентов. Рассуждение, будучи одной из

интеллекта (Поспелов, 1997) и в эпистемической логике (Нечитайлов, 2003) часто называют термином «убеждение» (belief) — совокупность относительно непостоянных и, возможно, неистинных сведений агента, в достоверности которых агент не всегда уверен, в отличие от знаний (knowledge) — относительно постоянном наборе истинных предложений, составляющих сведения, в истинности которых агент уверен, потому что подверг их определенным эпистемологическим процедурам верификации (*Достоверный и правдоподобный вывод в интеллектуальных системах*, 2004, с. 281). Термин «мнение» в таком понимании имеет устойчивую традицию, начиная с *δοξα* античных авторов и вплоть до влиятельных логических теорий в XX веке (Кришке, 1986). Под мнением здесь мы будем понимать также и то, что многие логики вслед за Я. Хинтиккой (1978) называют пропозициональными (эпистемическими) установками. Термин «убеждение», таким образом, мы сохраним для указания на процессы и процедуры изменения мнений агентов, т. е. задействуем его в том же смысле, в каком он используется в теории аргументации, когнитивной науке и психологии.

форм интеллектуальной деятельности вообще, безотносительно к какому-либо конкретному агенту. Иными словами, и рассуждение, и убеждение предполагают наличие рационального агента, но трактуют его роль по-разному.

В убеждении качественное строение корпуса знаний и мнений агента выступает онтологическим основанием для последующих модификаций, которые служат коррелятами эффективности процесса убеждения (Лобанов, Хизанишвили, 2012), что, как говорилось выше, помещает убеждение в русло дискурсивного направления. Хотя рассуждение подразумевает некоего виртуального агента, который и занимается рассуждением, однако интерпретация агентного аспекта варьируется в зависимости от ответов на два взаимосвязанных вопроса: наделены ли рассуждающие агенты разными когнитивными особенностями; зависят ли различия в реализации рассуждений от когнитивных особенностей агентов.

Отрицательный ответ на первый вопрос означает, что все агенты видятся одинаковыми в отношении своих когнитивных особенностей, и это влечет аналогичный ответ и на второй вопрос. В логических теориях вплоть до последнего времени ответ на оба вопроса был отрицательный, что выражалось в абстрагировании от агентных особенностей, способных повлечь различия в том, как производятся рассуждения. В дискурсивно-когнитивных теориях, рассматривающих убеждение как процесс интеллектуального взаимодействия агентов, напротив, ответы на оба вопроса утвердительные. Вместе с тем если обосновать утвердительный ответ на первый вопрос оказалось сравнительно не трудно, и применительно к аргументации это было реализовано давно (Naess, 1966), то сделать это с утвердительным ответом на второй вопрос — сложнее (Hoffmann, 2016).

В связи с аргументацией отрицательный ответ на первый вопрос отождествляет рассуждение с убеждением и сводит аргументацию к операциям с аргументами, которые считаются убедительными, если производятся по определенным правилам, например, логическим, и это не связано с тем, какие именно агенты это делают. Утвердительный ответ на первый вопрос может сочетаться как с утвердительным, так и с отрицательным ответом на второй вопрос. Второе характерно для формально-диалектических концепций (Hamblin, 1970 (2004)), (Rescher, 1977) в русле дискурсивного направления, где спор осуществляется по специальным формализованным правилам взаимодействия сторон и подразумевается, что всякий агент придерживается некоторой логической теории на структурном уровне, для того чтобы формулировать и оценивать содержание ходов спора, и эти логические теории могут не совпадать. Два утвердительных ответа указывают на субъектный характер производства рассуждений и субъективный характер оценки эффективности убеждений, что свойственно прикладному направлению и манипуляторным технологиям, о которых выше шла речь.

Подведем итоги этого параграфа. Два объекта и два предмета исследования аргументации задают два пути создания ее системных моделей. Первый делает это в русле познавательного направления, где возникают эпистемологические и когнитивные подходы. Эпистемологический подход ставит в центр аргументации рассуждение как форму порождения знания, идеалом которого выступает

истинное знание. Когнитивный подход трактует рассуждения в агентной перспективе, как связанные с определенными когнитивными особенностями тех или иных агентов. Второй путь дискурсивный, где во главе угла стоит убеждение, для которого предметом могут выступать знания и иные сведения интеллектуальных агентов, как в дискурсивно-эпистемологических подходах, или сами агенты в аспекте своих знаний и мнений, как в дискурсивно-когнитивных подходах. И в том и другом ответвлении дискурсивного направления рассуждение может выступать и чаще всего выступает одной из форм реализации убеждений. Системные модели аргументации могут возникать и возникают там, где изучение разных ее объектов совпадает по предмету, т. е. в группе эпистемологических — преимущественно в рамках познавательного направления, и в группе когнитивных подходов — преимущественно в рамках дискурсивного направления. Примером системных моделей первого сорта являются формальная диалектика Хэмблина и формальная теория Респера. СМА Брюшинкина — это пример моделей второго рода.

5 Рассуждение, убеждение и аргументация

Рассуждение — это форма мыслительной деятельности рационального агента, обладающая четырьмя отличительными характеристиками:

1. Структурная: рассуждение представляет собой переход от одних утверждений о знаниях, мнениях, действиях, поступках и ценностях к другим утверждениям о них же, но выражающим новые для агента сведения;
2. Функциональная: рассуждение подразумевает совокупность приемов, санкционирующих подобные переходы, а также владение рассуждающего агента этими приемами, и, как правило, опирается на специальные способы оценки как исходных и новых утверждений, так и эффективности процедур получения новых утверждений из исходных;
3. Целевая: рассуждение нацелено на поиск, обоснование, критику или опровержение знаний и мнений о фактах, действиях, поступках и ценностях;
4. Лингвистическая: осуществляется в каком-либо языке.

В разных концепциях аргументации этим четырем характеристикам рассуждения отводятся неодинаковые роли и связь между ними тоже понимается по-разному. Для предметного анализа аргументации в русле познавательного направления принципиальными являются структурные и функциональные характеристики рассуждения, потому что они определяют ключевые свойства понятий аргументации и аргумента, конструируемые в той или иной концепции. Целевая и лингвистическая характеристики указывают на объект исследования аргументации и уточняют, принадлежит ли данный подход дискурсивному, познавательному или прикладному направлению.

Например, в прагма-диалектике, относящейся к дискурсивному направлению, к структурно-функциональным характеристикам рассуждений относятся прагматические и риторические особенности их предъявления в диалоге в качестве аргументов, и эти особенности выступают в роли критериев их эффективности. В этой концепции убеждение — это главный результат решения основной задачи критической дискуссии — преодоления расхождения во мнениях, а лингвистическая характеристика рассуждения сводится к общему требованию конститутивного характера, обращенному к участникам диалога, быть эффективными пользователями естественного языка, на котором ведется данный диалог, и выступает отдельным структурно-функциональным аспектом модели аргументации, генерируемой на основе данной концепции (Еемерен, Гроотендорст, 1994, с. 24). В отличие от этого в «новой риторике», относящейся также к дискурсивному направлению, и в «радикальном аргументативизме» — концепции аргументации, где лингвистические элементы естественного языка отождествлены с единицами аргументации (Anscombe, Ducrot, 1983), относящейся к познавательному направлению, лингвистическая характеристика рассуждения ограничена кодированием и декодированием аргументов средствами естественного языка. По этой причине в моделях аргументации, генерируемых на основе этих концепций, специальных средств для выражения лингвистической определенности аргументов не потребуется. Напротив, исключение прагматических и риторических особенностей предъявления аргументов в споре из корпуса структурно-функциональных характеристик рассуждения ведет к тому, чтобы критерием эффективности аргументов считать соответствие правилам перехода от одних атомарных элементов рассуждения к другим. Так происходит в логическом подходе к аргументации, а также в подходах к аргументации, основанных на АСА, обобщающих дискурсивное и познавательное направления.

С логической точки зрения рассуждение — это совокупность молекулярно понимаемых умозаключений, выраженных в каком-либо языке (Бочаров, Маркин, 2006, с. 18). Рассуждение в рече-коммуникативном смысле — это обмен утверждениями, молекулярными или атомарными, организованный по специальным социальным правилам, включая правила проведения диалогов. С философской точки зрения рассуждение относится к познавательным приемам, направленным на получение нового знания, а также на верификацию или фальсификацию уже имеющегося знания, независимо от того, считается рассуждение молекулярной или атомарной его единицей. В психологии превалирует молекулярное понимание рассуждения, связанного с двумя видами когнитивной деятельности: с умозаключениями, трактуемыми в логическом ключе, и с решением задач на основе гипотез и оценки фактов. В программах искусственного интеллекта способность рассуждать — это одна из компетенций интеллектуальных агентов, они наделяются ею для получения и обработки информации, решения задач, включая научение. Такая интерпретация рассуждений хотя и носит эмпирический характер, однако содержательно обобщает то, как они понимаются в логике, философии, логике и психологии, а в структурно-функциональном отношении характеризуется многообразием, как это обстоит в рече-коммуникативном смысле.

В структурно-функциональном понимании рассуждения применительно к аргументации имеется два противоположных полюса, на пути между которыми располагается большинство концепций аргументации: молекулярное, оно в большей степени свойственно познавательному направлению, и атомарное, характеризующего преимущественно дискурсивное направление. Функциональная оценка рассуждения зависит от того, каким образом трактуется строение рассуждения, атомарно или молекулярно.

Молекулярное понимание рассуждения в аргументации имеет давнюю традицию и уходит корнями в наследие Аристотеля, где такой подход характерен как для логически строгих рассуждений, так и для остальных — диалектических, риторических, эристических (Лисанюк, 2015, с. 82; Слинин, 2009). Молекулярное понимание рассуждения подразумевает, что рассуждение обладает внутренним строением и состоит из атомарных элементов, которые сами не являются рассуждениями. Вне рассуждения его атомарные элементы не играют в аргументации самостоятельной роли, однако играют важную роль при оценивании эффективности рассуждения и, как следствие, аргументации в целом.

В функциональном отношении молекулярное понимание рассуждения выражается в том, что оценка аргументации композиционно опирается на оценку составляющих аргумент элементов рассуждения, поэтому атомарные элементы рассуждения оценивают отдельно. Оценка атомарных элементов рассуждения может осуществляться по-разному: в терминах логических значений как истинных или неистинных, в терминах обобщенных истинностных оценок (D. Zaitsev, Shramko, 2013), в процедурных терминах — как релевантных по содержанию или нерелевантных (Грайс, 1985), или в прагма-лингвистических терминах — сообразно тому, посредством каких речевых действий они предъявлены (Еемерен, Гроотендорст, 1994), в стратегических терминах — в смысле принадлежности выигрышной стратегии (Павлова, 2015). В молекулярном понимании рассуждение представляет собой упорядоченную совокупность посылок-аргументов и заключения — тезиса, и именно в таком составе выступает самостоятельным элементом аргументации. В рече-коммуникативных и стратегических подходах к аргументации рассуждение понимается одновременно и как молекулярный элемент аргументации, обладающий внутренним строением, и как ее атомарный макроэлемент, составляющий часть позиции или стратегии агента (Glazer, Rubinstein, 2006). Такой гибридный подход к пониманию рассуждений, когда на одном уровне оно трактуется молекулярно, а на другом — атомарно, характерен для ряда концепций аргументации дискурсивного направления, например, для формальной диалектики Ч. Хэмблина и теории формальных диспутов Н. Решера.

Атомарное понимание рассуждения состоит в том, чтобы считать атомарной единицей аргументации аргумент, трактуемый в духе холизма целиком, абстрагируясь от его внутреннего строения. Такой подход характерен для стратегических подходов к пониманию аргументации в русле дискурсивного направления (Делавинья, 2011), а также для абстрактного подхода, где исследуют аргументацию посредством графов. Появление этого подхода позволило говорить о двух путях создания системных моделей аргументации (Prakken, 2011).

В атомарном понимании рассуждение отождествляется с аргументом, и его оценка носит холистский характер, т. е. производится только на уровне спора, т. е. либо относительно множества всех аргументов, выдвинутых его сторонами, либо относительно какого-либо их подмножества, например, составляющего позицию одного из агентов или выражающего замкнутый раунд спора. Разграничивать атомарную и молекулярную трактовку рассуждений в аргументации особенно важно в свете того, каким образом производится их оценка в споре. Сводить аргументацию исключительно к молекулярно трактуемым рассуждениям означает принимать два допущения относительно аргументации, и, как следствие, помещать системные модели аргументации исключительно в русле познавательного направления, отвергая возможность их создания в русле дискурсивного направления.

Первое допущение касается строения аргументации и заключается в его молекулярном понимании, о нем шла речь выше. Второе допущение затрагивает функциональную сторону аргументации и связано с тем, каким образом производится оценка аргументов. Холистский подход подразумевает процедурную, или выполнимостную, оценку аргументов на основе вычислительного значения в духе того, как понимается семантика в программах искусственного интеллекта, на основе доверительного или скептического алгоритмов. Молекулярная трактовка аргументов предполагает истинностную оценку аргументов. Между этими двумя способами построения семантических формализмов имеется ряд существенных различий концептуального и технического характера, в которые мы не станем здесь углубляться. Важно, что оба способа оказались пригодны для оценки аргументов, и что появление двух подходов в теории аргументации, основанных на этих способах, позволило по-новому взглянуть на роль логических понятий в аргументации, прежде всего, таких как непротиворечивость и полнота. Как оказалось, эти понятия можно понимать как в русле истинностных значений, так и в русле процедурных. Отметим, что в последнее время активно развиваются идеи применить процедурную семантику к оценке (элементов) рассуждений, трактуемых молекулярно³, а истинностную семантику — к оценке рассуждений, трактуемых атомарно⁴.

Термин «убеждение» обычно используется в двух своих значениях, для указания на разновидность информации о мире, которой обладает интеллектуальный агент — здесь мы называем это мнением, а также для указания на один из способов ее получения, о котором мы сейчас и ведем речь. Применительно к аргументации убеждение — это процесс модификации мнений агентов, и его можно понимать двояко, в когнитивном и в процедурном аспекте. В некоторых концепциях аргументации, например, в логическом подходе, эти два аспекта

³Этот подход в логические теории привносят ученые, исследующие лингвистические и прагма-семантические аспекты языков (Микиртумов, 2016).

⁴Кубышкина и Зайцев (Kubyshkina, D. V. Zaitsev, 2016) предлагают применить обобщенные истинностные оценки к моделированию знаний рациональными агентами предложений, обладающими независимыми от знаний агентов истинностными оценками, т. е. относительно которых известно, являются ли они корректно полученными следствиями из других предложений, или нет. Фролов (2016) выдвигает идею использовать динамические временные «маркировки» в качестве специальной логики оценок изменения состояния знаний агентов.

отождествлены — такая их трактовка особенно характерна для эпистемологических подходов к аргументации в русле познавательного направления. Проведение границы между ними — особенность когнитивных подходов дискурсивного направления.

В когнитивном аспекте убеждение связано с эпистемологической оценкой сведений, получаемых агентом в ходе спора. Например, агент модифицирует корпус своих мнений, добавляя в него нечто новое, если в споре была подтверждена истинность или приемлемость каких-либо сведений, или удаляя из него сведения, оказавшиеся неистинными или неприемлемыми по итогам спора. Модификацию подобного рода агент может осуществлять и на основе комплексной эпистемологической и процедурной оценки мнений и считать некоторое мнение истинным, потому что оно было доказано средствами некоей теории, или полагаться исключительно на процедурную оценку и считать мнение приемлемым, потому что оно было получено по определенным ранее принятым правилам. Критерии и параметры подобных оценок могут весьма существенно различаться от агента к агенту: в когнитивно-когерентной теории аргументации и убеждения в качестве критериев используются позитивная и негативная когерентность информации — своего рода аналоги непротиворечивости и противоречивости информации соответственно, а ее содержательные параметры моделируются посредством теории игр (*Argumentation and persuasion in the cognitive coherence theory*, 2006). В отличие от этого в прагма-стратегических концепциях аргументации критерии оценок понимаются в русле теории игр, а параметры оценки представлены при помощи ценностных установок групп агентов, взятых на основе статистики (Делавинья, 2011). Существуют подходы, где и критерии и параметры трактуются в теоретико-игровом ключе (Schumann, 2014).

Связь убеждения и рассуждения в аргументации рассматривается по-разному, в зависимости от того, как в формальном и содержательном плане понимается соотношение двух аспектов убеждения, когнитивного и процедурного, и четырех характеристик рассуждения, из которых ключевая роль принадлежит структурной и функциональной. В эпистемологии, когнитивной науке и логике когнитивный и процедурный аспект убеждения считают взаимосвязанными, и мнение, которое было обосновано определенным образом, способно получить статус знания — истинной информации о чем-либо. Это означает, что когнитивной или процедурной оценки достаточно для того, чтобы агент соответствующим образом модифицировал корпус своих мнений, — такая трактовка убеждения характерна для концепций аргументации, относящих ее к познавательной деятельности и опирающихся на молекулярную трактовку рассуждений. В психологии, социальных науках, теории игр и программах искусственного интеллекта достаточное основание убеждения агента, как правило, связывают с процедурным критерием. Такой подход характерен также и для ряда концепций в русле дискурсивного направления, в частности, для рече-коммуникативных и стратегических концепций аргументации, где структурно-функциональным характеристикам рассуждения либо отводится вспомогательная роль, либо превалирует атомарная трактовка рассуждения.

6 Системные и предметные модели аргументации

Теперь, вооружившись двумя критериями классификации концепций аргументации, на основе объекта и предмета исследования, и посредством трактовки рассуждения и убеждения, а также тремя вытекающими из них особенностями системных моделей аргументации мы можем составить две классификации. Первая касается концепций аргументации, вторая — ее системных моделей, т. е. тех, которые уже были предложены, и концепций, на основе которых они могут быть сформулированы. В этой статье мы не ставили целью подробно обсудить все концепции, упоминаемые в обеих таблицах, наша цель состояла в том, чтобы предложить критерии для классификации и сформулировать ее таким образом, чтобы стимулировать дальнейшие исследования аргументации как в русле предметных, так и в русле системных моделей.

Познавательное направление		Дискурсивное направление	
Когнитивные концепции	Эпистемологические концепции	Эпистемологические концепции	Когнитивные концепции
СМА В. Брюшинкина	Логический подход	Модель С. Тулмина	«Новая риторика»
TSAR Д. Зайцева	Логика аргументации В. Финна	Диалектическая концепция Д. Уолтона	Когнитивная модель аргументации
Логико-когнитивная теория аргументации Е. Лисанюк	Эпистемологически-дискурсивная концепция А. Мигунова	Прагма-диалектика	Когнитивно-когерентная теория
	«Радикальный аргументативизм»	Прагма-стратегические модели убеждения	
	Логика аргументации АСА	Теория диспута Н. Решера	
	Диалоговая логика К. Лоренца-П. Лоренцена	Формальная диалектика Э. Барта-Э. Краббе	
		Формальная диалектика Ч. Хэмблина	
	Концепция АСА		

Таблица 1: Классификация концепций аргументации по объекту и предмету исследования.

Некоторые из концепций были внесены в классификацию условно — по косвенным признакам, ввиду недоступности более точной информации о них в настоящий момент, например, TSAR Д. Зайцева (D. Zaitsev, 2016). Другие концепции оказались неожиданно для нас классифицированы иначе, чем представ-

лялось ранее — как «новая риторика» и «радикальный аргументативизм». И, наконец, выяснилось, что ряд концепций поместить в нашу классификацию невозможно, — это неформальная логика, о ней шла речь, а также критическое мышление — эта концепция не вошла в классификацию по тем же основаниям, что и неформальная логика. Отсутствие подходов или концепций в нашей классификации призвано указать на то, что на их основе нельзя сконструировать ни предметной, ни системной модели аргументации. Разумеется, оно может говорить и об ограниченности наших сведений о них, и в этом случае дело касается таких концепций по существу.

	Многокомпонентная оценка аргументов	Дескриптивная эффективность аргументации	Ошибки аргументации
Логика аргументации АСА	+	-	-
«Радикальный аргументативизм»	+	?	-
Прагматические стратегические модели убеждения	+	-	-
Когнитивно-когерентная теория	+	-	-
«Новая риторика»	+	+	-
Прагматическая диалектика	+	+	+
СМА В. Брюшинкина	+	+	-
Диалектическая концепция Д. Уолтона	+	+	-
Формальная диалектика Ч. Хэмблина	+	-	+
Логико-когнитивная теория аргументации	+	-	-
Когнитивная модель аргументации	+	+	-
Когнитивно-когерентная теория	+	-	-

Модель С. Тулмина	+	+	-
Теория диспута Н. Решера	+	+	-
Формальная диалектика Э. Барт – Э. Краббе	+	+	
TSAR Д. Зайцева	+	?	
Диалоговая логика	+	-	-

7 Заключение

Мы предложили два критерия для разграничения между системными и предметными моделями: первый — на основе объекта и предмета исследования, второй на основе трактовки в них рассуждения и убеждения, которые мы считаем двумя ключевыми аспектами аргументации. Эти критерии позволили построить классификацию подходов к аргументации и ее моделей. По первому критерию мы выделили три направления исследования аргументации, два теоретических — познавательное и дискурсивное, и одно прикладное, представляющее собой совокупность техник влияния социально-коммуникативного характера. В каждом из двух теоретических направлений мы выделили по две группы подходов — эпистемологические и когнитивные. Вторым критерием мы использовали для того, чтобы уточнить, какие подходы могут генерировать системные модели аргументации, а какие — предметные ее модели. Теперь мы можем сформулировать ответы на вопросы а и д:

а. Аргументация отличается от рассуждений тем, что представляет собой интеллектуальную деятельность, включающую в себя рассуждение и убеждение. В связи с рассуждением она может быть понята двояко: как рассуждения в инклюзивном смысле, и тогда речь идет о дискурсивном направлении ее исследования, где рассуждение — это аргумент и форма осуществления убеждения, эффективность которого связана с корректностью рассуждения, но не сводится к ней; или в эксклюзивном смысле, как в познавательном направлении, где рассуждение и убеждение отождествляются, и соответствие рассуждения определенным критериям выступает достаточным условием эффективности убеждения.

д. Каковы критерии оценки аргументативных рассуждений? Имеется четыре группы сочетаний таких критериев — по числу выделенных нами подходов к аргументации. Содержательно это три группы: истинностные, процедурные и агентно-ориентированные критерии. Последняя группа критериев применима исключительно в когнитивных подходах.

Список литературы

- Алексеев А. П.* Философский текст: идеи, аргументация, образы. — М., 2006.
- Алексеев А. П.* Теория аргументации в эпоху манипуляции // Вестник Московского университета, Серия 7 Философия. — 2013. — № 5. — С. 67–77.
- Аллахвердов В. М.* Когнитивная психология сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета, Серия 16. Психология. Педагогика. — 2012. — № 2. — С. 50–59.
- Альчуррон К. Э., Герденфорс П., Макинсон Д.* Логика теории изменения: функции ревизии и сокращения через частичное пересечение / пер. П. с англ. Д. Тискина // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Лисанюк Е.Н. — 2013. — С. 318–343.
- Аншаков О. М., Скворцов Д. П., Финн В. К.* Об аксиоматизируемости многозначных логик, связанных с формализацией правдоподобных рассуждений // Многозначные логики и их применения / под ред. В. К. Финна. — М., 2008. — С. 200–225.
- Бондажевская Л. С.* Ошибки в аргументации: попытки определения и классификации // Логико-философские штудии. — 2014. — Т. 12, № 1.
- Бочаров В. А., Маркин В. И.* Введение в логику. — М.: Инфра-М, 2006.
- Бредемайер К.* Черная риторика. — М., 2005.
- Брюшинкин В. Н.* Системная модель аргументации // Трансцендентальная антропология и логика. — Калининград, 2000. — С. 137–160.
- Брюшинкин В. Н.* Особенности исследования идентичности // Субъективность и идентичность / под ред. А.В. Михайловского. — М., 2012. — С. 261–272.
- Герасимова И. А.* Феномен аргументации // Эпистемология и философия науки. — 2009. — Т. XXI, № 3. — С. 5–13.
- Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. — М., 1985. — № 16. — С. 217–237.
- Грифцова И. Н.* Соотношение формальной и неформальной логики: Философско-методологический анализ. — М.: Московский педагогический государственный университет, 1998.
- Грифцова И. Н.* О возможности трактовки неформальной логики как прикладной эпистемологии // Преподаватель XXI век. — 2013. — Т. 2. — С. 251–257.
- Делавинья С.* Психология и экономика: результаты эмпирических исследований. Часть II. Общественно ориентированные предпочтения и нестандартные убеждения // Вопросы экономики. — 2011. — № 5. — С. 56–74.
- Достоверный и правдоподобный вывод в интеллектуальных системах / В. Н. Вагин, Е. Ю. Головина, А. А. Загорянская, М. В. Фомина; под ред. В. Н. Вагина, Д. А. Поспелова. — М.: Физматлит, 2004.
- Драгаллина-Черная Е. Г.* Неформальные заметки о логической форме. — СПб, 2015.
- Есмерен Ф. в., Гроотендорст Р.* Речевые акты в аргументативных дискуссиях / пер. Чахоян Л. П. — СПб, 1994.
- Зайцев Д. В.* Теория и практика аргументации. — М.: ИД Форум, 2007.

- Зайцев Д. В.* Теории аргументации и их практические реализации // Рацио.ru. — 2015. — № 14. — С. 4–15.
- Карпинская В. Ю.* Принятие сенсорных решений при предъявлении неопределенных и иллюзорных стимулов // Вестник СПбГУ. Серия 12. — 2008. — № 2. — С. 14–24.
- Косачева К. Ю., Пушкарский А. Г.* О семинаре «Модели рассуждений — 5: Аргументация, коммуникация, общество» // Рацио.ru. — 2012. — № 7. — С. 119–128.
- Крипке С.* Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике: Логический анализ естественного языка / под ред. В. В. Петрова. — М., 1986. — № 18. — С. 194–241.
- Кротков Е. А.* О рассуждении как методе познания // Вопросы философии. — 2013. — № 6. — С. 170–180.
- Лисанюк Е. Н.* Сильных аргументов нет // Рацио.ru. — 2009. — № 2. — С. 103–121.
- Лисанюк Е. Н.* Софистика — это не аргументация // Scholē. — 2014. — Т. 8, № 2. — С. 136–151.
- Лисанюк Е. Н.* Аргументация и убеждение. — СПб : Наука, 2015.
- Лобанов Г. Ю., Хизанишвили Д. В.* Обзор представлений об онтологиях: компьютерная наука, искусственный интеллект и теория аргументации // Рацио.ru. — 2012. — № 8. — С. 140–157.
- Меськов В. С.* Междисциплинарные и трансдисциплинарные модели аргументации // Рацио.ru. — 2013. — № 9. — С. 77–143.
- Мигунов А. И.* Аргумент как речевое действие // Логика / под ред. А. И. Мигунова, И. Б. Микиртумова, Б. И. Федорова. — М. : Проспект, 2010. — С. 571–687.
- Мигунов А. И.* Девятые Смирновские чтения по логике. Материалы международной научной конференции // Логика / под ред. В. И. Маркина. — 2015. — С. 155–157.
- Микиртумов И. Б.* Логико-прагматические характеристики модификаций эпистемических состояний // Логико-философские штудии. — 2009. — № 7. — С. 124–141.
- Микиртумов И. Б.* Некомпозициональность и интендированный смысл // Эпистемология и философия науки. — 2016. — Т. 48, № 2. — С. 87–103.
- Модели рассуждений — 4: Аргументация и риторика / В. Н. Брюшинкин, А. И. Мигунов, Е. Н. Лисанюк, Д. В. Зайцев, Н. В. Зайцева. — Калининград, 2011.
- Морошкина Н. В., Гершкович В. А.* Актуальные тенденции в исследовании имплицитного научения // Вестник СПбГУ. Серия 16. — 2014. — № 4. — С. 14–24.
- Нечитайлов Ю. В.* Параллельная композиция в динамической логике игр с ограниченной рациональностью // Логические исследования. — 2003. — № 10. — С. 142–149.
- Ольховиков Г. К.* О реальных и мнимых недостатках определения знания как истинного и обоснованного мнения // Эпистемология и философия науки. — 2010. — Т. XXVI, № 4. — С. 91–100.

- Павлова А. М. Истинность в диалоговой логике и теоретико-игровой семантике (GTS) // *Логические исследования*. — 2015. — Т. 21, № 2. — С. 107–133.
- Перельман Х., *Олбрехт-Тытека Л.* Из книги «Новая риторика: трактат об аргументации» // *Язык и моделирование социального взаимодействия*. — М. : Прогресс, 1987. — С. 207–264.
- Поспелов Д. А. От коллектива автоматов к мультиагентным системам // *Proc. Of the Intern. Workshop 'Distributed Artificial Intelligence and Multi-Agent Systems' DAIMAS'97*. — СПб, 1997. — С. 319–325.
- Розенгрэн М. К вопросу о доха: эпистемология «новой риторики» // *Вопросы философии*. — 2012. — № 6. — С. 63–72.
- Слинин Я. А. Понятия топа и предикабилии и их роль в диалектическом рассуждении // *Логико-философские штудии*. — 2009. — № 7. — С. 41–58.
- Уёмов А. И. Логические основы метода моделирования. — М. : Мысль, 1971.
- Финн В. К. Правдоподобные рассуждения в интеллектуальных системах типа ДСМ // *ДСМ-метод автоматического порождения гипотез: Логические и эпистемологические основания* / под ред. О. М. Аншакова. — М., 2009. — С. 10–50.
- Фишер Р., *Юри У.* Путь к согласию, или переговоры без поражения / пер. А. Гореловой. — М. : Наука, 1992.
- Фролов К. Г. О нюансах перевода и цитирования в контексте проблемы Геттиера // *Вопросы философии*. — 2013. — № 11. — С. 168–173.
- Фролов К. Г. Логика познаваемости с учетом динамического фактора // *Логико-философские штудии*. — 2016. — № 2. — С. 119–120.
- Хинтиikka Я. Семантика пропозициональных установок / пер. В. Н. Брюшинкина, Э. Л. Нашпельбаума, Я. Хинтиikka // *Логико-эпистемологические исследования* / под ред. В. Н. Садовского, В. А. Смирнова. — М., 1978. — С. 68–104.
- Целищев В. В. Эпистемология vs онтология в античной философии математики // *Schole*. — 2015. — Т. 9, № 2. — С. 380–392.
- Цепцов В. А., *Куарье П.* Когнитивная модель аргументации // *Психологический журнал*. — 1997. — Т. 18, № 1. — С. 81–89.
- Шульга Е. Н. Теория аргументации как «практическая философия» // *Рацио.ru*. — 2012. — № 7. — С. 70–76.
- Argumentation and persuasion in the cognitive coherence theory / P. Pasquier, I. Rahwan, F. Dignum, L. Sonenberg // *Computational Models of Argument: Proceedings of COMMA* / под ред. Dunne P.E., Bench-Capon T. — IOS Press, 2006.
- Anscombe J.-C., Ducrot O. *L'Argumentation dans la Langue*. — Liège : Pierre Mardaga, 1983.
- Bandura A. Social cognitive theory of mass communication // *Media effects: Advances in theory and research* / ed. by J. Bryant, D. Zillmann. — Hillsdale, NJ : Erlbaum, 1994. — Pp. 61–90.
- Besnard P., Hunter A. A logic-based theory of deductive arguments // *Artificial Intelligence*. — 2001. — Vol. 128, no. 1–2. — Pp. 203–235.

- Bueno-Soler J., Carnielli W. A.* E-reasoning: between digital humanities and e-science // Proceedings of the 2014 IEEE 10th International Conference on e-Science. — 2014. — Pp. 33–35.
- Dung P.* On the acceptability of arguments and its fundamental role in nonmonotonic reasoning, logic programming, and n-person games // Artificial Intelligence. — 1995. — No. 77. — Pp. 321–357.
- Glazer J., Rubinstein A.* A study in the pragmatics of persuasion: a game theoretical approach // Theoretical Economics. — 2006. — No. 1. — Pp. 395–410.
- Goldman A.* An epistemological approach to argumentation // Informal Logic. — 2003. — No. 23. — Pp. 51–63.
- Hamblin C.* Fallacies. — London : Methuen, 1970 (2004).
- Hoffmann M.* Reflective Argumentation: A Cognitive Function of Arguing // Argumentation. — 2016. — Vol. 30, no. 4. — Pp. 365–397.
- Johnson R.* The Rise of Informal Logic. — Newport News, VA : Vale Press, 1996.
- Koszowy M.* Pragmatic Logic and the Study of Argumentation // Studies in Logic, Grammar and Rhetoric. — 2010. — Vol. 22, no. 35. — Pp. 29–44.
- Kubyshkina E., Zaitsev D. V.* Rational agency from a truth-functional perspective // Logic and Logical Philosophy. — 2016. — Vol. 25. — Pp. 499–520.
- Naess A.* Communication and Argument, Elements of Applied Semantics / trans. by A. Hannay. — London : Allen & Unwin, 1966.
- Perelman C., Olbrechts-Tyteca L.* The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation. — Notre Dame : University of Notre Dame Press, 1969.
- Pollock J.* Justification and Defeat // Artificial Intelligence. — 1994. — Vol. 67. — Pp. 377–408.
- Prakken H.* An abstract framework for argumentation with structured arguments // Argument and Computation. — 2010. — Vol. 1. — Pp. 93–124.
- Prakken H.* Argumentation without arguments // Argumentation. — 2011. — Vol. 25, no. 2. — Pp. 93–124.
- Rescher N.* Dialectics: A Controversy-Oriented Approach to the Theory of Knowledge. — NY, 1977.
- Schumann A.* Reflexive games and non-Archimedean probabilities // P-Adic Numbers, Ultrametric Analysis and Applications. — 2014. — Vol. 6, no. 1. — Pp. 66–79.
- Toulmin S.* The Uses of Argument. — Cambridge University Press, 1958.
- Walton D.* Fundamentals of Critical Argumentation. — Cambridge : Cambridge University Press, 2006.
- Walton D., Reed C., Macagno F.* Argumentation schemes. — Cambridge University Press, 2008.
- Walton D., Woods J.* Fallacies: Selected Papers 1972–1982. — Dordrecht/Providence : Foris, 1958.
- Wenzel J.* Three perspectives on argumentation // Perspectives on argumentation: Essays in honour of Wayne Brockreide / ed. by R. Trapp, J. Scheutz. — Prospect Heights, IL : Waveland Press, 1990. — Pp. 9–26.
- Zaitsev D.* Who's the TSAR? Towards the true science of argument and reasoning // Логико-философские штудии. — 2016. — Vol. 13, no. 2. — Pp. 231–232.

Zaitsev D., Shramko Y. Bi-facial truth: a case for generalized truth values // *Studia Logica*. — 2013. — Vol. 101, no. 6. — Pp. 1299–1318.

Об авторе

Елена Николаевна Лисанюк — к. филос. н., доцент кафедры логики Санкт-Петербургского государственного университета, e.lisanuk@spbu.ru.

Reasoning, persuasion and modelling argumentation

Elena Lisanyukⁱ

ⁱSt Petersburg State University

Abstract: We define the criteria for the classification of argumentation conceptions, based on its aspects, reasoning and persuasion, considering each in two ways. The first criterion is the object and the subject of argumentation study; it suggests three trends: two theoretical — the cognitive, focused on reasoning, the discursive, in which persuasion is the core notion of the study, the applied, which amounts to a set of techniques of social and communicative influence. The subject of argumentation study draws a distinction between epistemological or agent-related approached in each of the two trends thus resulting in four groups of conceptions. The second criterion specifies the structural and functional features of reasoning and persuasion, and, together with the first, allows specifying what conceptions are capable of generating its systemic models, and what conceptions are so of its subject model. We suggest how to discriminate between reasoning and argumentation, and propose how the criteria for argument evaluation can be classified.

Keywords: argumentation, argumentation models, reasoning, persuasion, argumentation models classification, knowledge, belief, cognitive agency.

References

- Al'churron, K. E., Gerdenfors, P., and Makinson, D. (2013). “Logika teorii izmeneniya: funktsii revizii i sokrashcheniya cherez chastichnoe peresechenie”. Trans. by Per. s angl. D. Tiskin. *'Normativnye sistemy' i drugie raboty po filosofii prava i logike norm.* Ed. by Lisanyuk E.N., pp. 318–343.
- Alekseev, A. P. (2006). *Filosofskii tekst: idei, argumentatsiya, obrazy.* M.
- (2013). “Teoriya argumentatsii v epokhu manipulyatsii”. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 7 Filosofiya*, no. 5, pp. 67–77.
- Allakhverdov, V. M. (2012). “Kognitivnaya psikhologiya soznaniya”. *Vestnik SanktPeterburgskogo universiteta, Seriya 16. Psikhologiya. Pedagogika*, no. 2, pp. 50–59.

- Anscombe, J.-C. and Ducrot, O. (1983). *L'Argumentation dans la Langue*. Liège: Pierre Mardaga.
- Anshakov, O. M., Skvortsov, D. P., and Finn, V. K. (2008). “Ob aksiomatiziruemosti mnogoznachnykh logik, svyazannykh s formalizatsiei pravdopodobnykh rassuzhdenii”. *Mnogoznachnye logiki i ikh primeneniya*. Ed. by V. K. Finna, pp. 200–225.
- Bandura, A. (1994). “Social cognitive theory of mass communication”. In: *Media effects: Advances in theory and research*. Ed. by J. Bryant and D. Zillmann. Hillsdale, NJ: Erlbaum, pp. 61–90.
- Besnard, P. and Hunter, A. (2001). “A logic-based theory of deductive arguments”. *Artificial Intelligence*, vol. 128, no. 1–2, pp. 203–235.
- Bocharov, V. A. and Markin, V. I. (2006). *Vvedenie v logiku*. M.: Infra-M.
- Bondazhevskaya, L. S. (2014). “Oshibki v argumentatsii: popytki opredeleniya i klassifikatsii”. *Logiko-filosofskie shtudii*, vol. 12, no. 1.
- Bredemaier, K. (2005). *Chernaya ritorika*. M.
- Bryushinkin, V. N. (2000). “Sistemnaya model' argumentatsii”. *Transatsendental'naya antropologiya i logika*, pp. 137–160.
- (2012). “Osobennosti issledovaniya identichnosti”. *Sub'ektivnost' i identichnost'*. Ed. by A.V. Mikhailovsky, pp. 261–272.
- Bryushinkin, V. N., Migunov, A. I., Lisanyuk, E. N., Zaitsev, D. V., and Zaitseva, N. V. (2011). *Modeli rassuzhdenii — 4: Argumentatsiya i ritorika*. Kaliningrad.
- Bueno-Soler, J. and Carnielli, W. (2014). “A. E-reasoning: between digital humanities and e-science”. *Proceedings of the 2014 IEEE 10th International Conference on e-Science*, pp. 33–35.
- Delavin'ya, S. (2011). “Psikhologiya i ekonomika: rezul'taty empiricheskikh issledovaniy. Chast' II. Obshchestvenno orientirovannye predpochteniya i nestandardnyye ubezhdeniya”. *Voprosy ekonomiki*, no. 5, pp. 56–74.
- Dragalina-Chernaya, E. G. (2015). *Neformal'nye zametki o logicheskoi forme*. SPb.
- Dung, P. M. (1995). “On the acceptability of arguments and its fundamental role in nonmonotonic reasoning, logic programming, and n-person games”. *Artificial Intelligence*, no. 77, pp. 321–357.
- Eemeren, F. van and Grootendorst, R. (1994). *Rechevye akty v argumentativnykh diskussiyakh*. Trans. by Chakhoyan L. P. SPb.
- Finn, V. K. (2009). “Pravdopodobnye rassuzhdeniya v intellektual'nykh sistemakh tipa DSM”. In: *DSM-metod avtomaticheskogo porozhdeniya gipotez: Logicheskie i epistemologicheskie osnovaniya*. Ed. by O. M. Anshakov. M., pp. 10–50.
- Fisher, R. and Yuri, U. (1992). *Put' k soglasiyu, ili peregovory bez porazheniya*. Trans. by A. Gorelova. M.: Nauka.
- Frolov, K. G. (2013). “O nyuansakh perevoda i tsitirovaniya v kontekste problemy Gettier'a”. *Voprosy filosofii*, no. 11, pp. 168–173.
- (2016). “Logika poznavаемosti s uchetom dinamicheskogo faktora”. *Logikofilosofskie shtudii*, no. 2, pp. 119–120.
- Gerasimova, I. A. (2009). “Fenomen argumentatsii”. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. KhXI, no. 3, pp. 5–13.

- Glazer, J. and Rubinstein, A. (2006). “A study in the pragmatics of persuasion: a game theoretical approach”. *Theoretical Economics*, no. 1, pp. 395–410.
- Goldman, A.I. (2003). “An epistemological approach to argumentation”. *Informal Logic*, no. 23, pp. 51–63.
- Grais, G. P. (1985). “Logika i rechevoe obshchenie”. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Lingvisticheskaya pragmatika*, no. 16, pp. 217–237.
- Griftsova, I. N. (1998). *Sootnoshenie formal’noi i neformal’noi logiki: Filosofsko-metodologicheskii analiz*. M.: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet.
- (2013). “O vozmozhnosti traktovki neformal’noi logiki kak prikladnoi epistemologii”. *Prepodavatel’ XXI vek*, vol. 2, pp. 251–257.
- Hamblin, Ch. (1970 (2004)). *Fallacies*. London: Methuen.
- Hoffmann, M.H.G. (2016). “Reflective Argumentation: A Cognitive Function of Arguing”. *Argumentation*, vol. 30, no. 4, pp. 365–397.
- Johnson, R. H. (1996). *The Rise of Informal Logic*. Newport News, VA: Vale Press.
- Karpinskaya, V. Yu. (2008). “Prinyatie sensorykh reshenii pri pred’yavlenii neopredelennykh i illyuzornykh stimulov”. *Vestnik SPbGU. Seriya 12*, no. 2, pp. 14–24.
- Khintikka, Ya. (1978). “Semantika propozitsional’nykh ustanovok”. In: *Logikoepistemologicheskie issledovaniya*. Ed. by V. N. Sadovsky and V. A. Smirnov. Trans. by V. N. Bryushinkin, E. L. Nappel’baum, and Ya. Khintikka. M., pp. 68–104.
- Kosacheva, K. Yu. and Pushkarskii, A. G. (2012). “O seminare ’Modeli rassuzhdenii — 5: Argumentatsiya, kommunikatsiya, obshchestvo’”. *Ratsio.ru*, no. 7, pp. 119–128.
- Koszowy, M. (2010). “Pragmatic Logic and the Study of Argumentation”. *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*, vol. 22, no. 35, pp. 29–44.
- Kripke, S. (1986). “Zagadka kontekstov mneniya”. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Logicheskii analiz estestvennogo yazyka*, no. 18. Ed. by V. V. Petrova, pp. 194–241.
- Krotkov, E. A. (2013). “O rassuzhdenii kak metode poznaniya”. *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 170–180.
- Kubyshekina, E. and Zaitsev, D. V. (2016). “Rational agency from a truth-functional perspective”. *Logic and Logical Philosophy*, vol. 25, pp. 499–520.
- Lisanyuk, E. N. (2009). “Sil’nykh argumentov net”. *Ratsio.ru*, no. 2, pp. 103–121.
- (2014). “Sofistika — eto ne argumentatsiya”. *Schole*, vol. 8, no. 2, pp. 136–151.
- (2015). *Argumentatsiya i ubezhdenie*. SPb: Nauka.
- Lobanov, G. Yu. and Khizanishvili, D. V. (2012). “Obzor predstavlenii ob ontologiyakh: komp’yuternaya nauka, iskusstvennyi intellekt i teoriya argumentatsii”. *Ratsio.ru*, no. 8, pp. 140–157.
- Mes’kov, V. S. (2013). “Mezhdistsiplinarnye i transdistsiplinarnye modeli argumentatsii”. *Ratsio.ru*, no. 9, pp. 77–143.
- Migunov, A. I. (2010). “Argument kak rechevoe deistvie”. In: *Logika*. Ed. by A. I. Migunov, I. B. Mikirtumov, and B. I. Fedorov. M.: Prospekt, pp. 571–687.
- (2015). “Devyatye Smirnovskie chteniya po logike. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii”. In: *Logika*. Ed. by V. I. Markin, pp. 155–157.

- Mikirtumov, I. B. (2009). “Logiko-pragmaticheskie kharakteristiki modifikatsii epistemicheskikh sostoyanii”. *Logiko-filosofskie shtudii*, no. 7, pp. 124–141.
- (2016). “Nekompozitsional’nost’ i intendirovannyi smysl”. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. 48, no. 2, pp. 87–103.
- Moroshkina, N. V. and Gershkovich, V. A. (2014). “Aktual’nye tendentsii v issledovanii implitsitnogo naucheniya”. *Vestnik SPbGU. Seriya 16*, no. 4, pp. 14–24.
- Naess, A. (1966). *Communication and Argument, Elements of Applied Semantics*. Trans. by A. Hannay. London: Allen & Unwin.
- Nechitailov, Yu. V. (2003). “Parallel’naya kompozitsiya v dinamicheskoi logike igr s ogranichennoi ratsional’nost’yu”. *Logicheskie issledovaniya*, no. 10, pp. 142–149.
- Ol’khovikov, G. K. (2010). “O real’nykh i mnimykh nedostatkakh opredeleniya znaniya kak istinnogo i obosnovannogo mneniya”. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. XXVI, no. 4, pp. 91–100.
- Pasquier, P., Rahwan, I., Dignum, F., and Sonenberg, L. (2006). “Argumentation and persuasion in the cognitive coherence theory”. In: *Computational Models of Argument: Proceedings of COMMA*. Ed. by Dunne P.E. and Bench-Capon T. IOS Press.
- Pavlova, A. M. (2015). “Istinnost’ v dialogovoi logike i teoretiko-igrovoi semantike (GTS)”. *Logicheskie issledovaniya*, vol. 21, no. 2, pp. 107–133.
- Perelman, Ch. and Olbrechts-Tyteca, L. (1969). *The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
- Perel’man, Kh. and Olbrekht-Tyteka, L. (1987). “Iz knigi ‘Novaya ritorika: traktat ob argumentatsii’”. In: *Yazyk i modelirovanie sotsial’nogo vzaimodeistviya*. M.: Progress, pp. 207–264.
- Pollock, J. (1994). “Justification and Defeat”. *Artificial Intelligence*, vol. 67, pp. 377–408.
- Pospelov, D. A. (1997). “Ot kollektiva avtomatov k mul’tiagentnym sistemam”. In: *Proc. Of the Intern. Workshop ‘Distributed Artificial Intelligence and Multi-Agent Systems’ DAIMAS’97*. SPb, pp. 319–325.
- Prakken, H. (2010). “An abstract framework for argumentation with structured arguments”. *Argument and Computation*, vol. 1, pp. 93–124.
- (2011). “Argumentation without arguments”. *Argumentation*, vol. 25, no. 2, pp. 93–124.
- Rescher, N. (1977). *Dialectics: A Controversy-Oriented Approach to the Theory of Knowledge*. NY.
- Rozengren, M. (2012). “K voprosu o doxa: epistemologiya ’novoi ritoriki’”. *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 63–72.
- Schumann, A. (2014). “Reflexive games and non-Archimedean probabilities”. *P-Adic Numbers, Ultrametric Analysis and Applications*, vol. 6, no. 1, pp. 66–79.
- Shul’ga, E. N. (2012). “Teoriya argumentatsii kak ”prakticheskaya filosofiya””. *Ratio.ru*, no. 7, pp. 70–76.
- Slinin, Ya. A. (2009). “Ponyatiya topa i predikabilii i ikh rol’ v dialekticheskom rassuzhdenii”. *Logiko-filosofskie shtudii*, no. 7, pp. 41–58.
- Toulmin, St. (1958). *The Uses of Argument*. Cambridge University Press.

- Tselishchev, V. V. (2015). “Epistemologiya vs ontologiya v antichnoi filosofii matematiki”. *Schole*, vol. 9, no. 2, pp. 380–392.
- Tseptsov, V. A. and Kuar’e, P. (1997). “Kognitivnaya model’ argumentatsii”. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 18, no. 1, pp. 81–89.
- Uemov, A. I. (1971). *Logicheskie osnovy metoda modelirovaniya*. M.: Mysl’.
- Vagin, V. N., Golovina, E. Yu., Zagoryanskaya, A. A., and Fomina, M. V. (2004). *Dostoverniy i pravdopodobnyy vyvod v intellektual’nykh sistemakh*. Ed. by V. N. Vagin and D. A. Pospelov. M.: Fizmatlit.
- Walton, D. (2006). *Fundamentals of Critical Argumentation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Walton, D., Reed, Ch., and Macagno, F. (2008). *Argumentation schemes*. Cambridge University Press.
- Walton, D. and Woods, J. (1958). *Fallacies: Selected Papers 1972–1982*. Dordrecht/Providence: Foris.
- Wenzel, J.W. (1990). “Three perspectives on argumentation”. In: *Perspectives on argumentation: Essays in honour of Wayne Brockreide*. Ed. by R. Trapp and J. Scheutz. Prospect Heights, IL: Waveland Press, pp. 9–26.
- Zaitsev, D. (2016). “Who’s the TSAR? Towards the true science of argument and reasoning”. *Logikofilosofskie shtudii*, vol. 13, no. 2, pp. 231–232.
- Zaitsev, D. V. (2007). *Teoriya i praktika argumentatsii*. M.: ID Forum.
- (2015). “Teorii argumentatsii i ikh prakticheskie realizatsii”. *Ratsio.ru*, no. 14, pp. 4–15.
- Zaitsev, D. and Shramko, Y. (2013). “Bi-facial truth: a case for generalized truth values”. *Studia Logica*, vol. 101, no. 6, pp. 1299–1318.

About author

Dr. **Elena Lisanyuk**, docent, department of logic, St Petersburg State University, e.lisanuk@spbu.ru.